

II Международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров»*

Вторая конференция тематической серии «Типология морфосинтаксических параметров» состоялась в Москве 14–16 ноября 2012 г. Конференция была организована совместно Московским государственным гуманитарным университетом им. М.А. Шолохова и Институтом языкознания РАН. При отборе докладов предпочтение отдавалось заявкам, где исследовались проблемы взаимодействия морфологии, синтаксиса, просодико-синтаксического и коммуникативно-синтаксического интерфейсов, и на конкретном материале языков мира показывалось соотношение общего, типового и специфического в распределении морфологических и синтаксических параметров. Заявки проходили экспертизу и отбирались организационным комитетом. Такая проблематика предполагает уклон в сторону исследований, опирающихся на формальный аппарат типологии, но доктринальных ограничений на выбор интегральной модели (общетеоретической концепции) языка не было: в докладах конференции были представлены различные направления современного функционализма и генеративизма – от минималистской программы Н. Хомского и лексической функциональной грамматики до грамматики конструкций. В выступлениях приглашенных докладчиков – Дж. Лавайна, В.М. Алпатова, Л.Л. Иомдина, П.В. Гращенкова, Ю.А. Ландера – тоже отразились разные теоретические подходы и разные проблемы в пределах обозначенной области. Выступление Джеймса Лавайна касалось особенностей выражения предикатно-аргументных отношений в некоторых синтаксических структурах без эксплицитно выраженного номинативного субъекта: рассматривался материал славянских языков. Доклад В.М. Алпатова был посвящен статусу падежей в японском языке, где категория падежа, согласно одной из точек зрения, выражается при помощи послелогов. Выступление П.В. Гращенкова поднимало вопросы грамматикализации атрибутивных и предикативных употреблений нефинитных глагольных форм в германских, славянских и тюркских языках. Исследование Ю.А. Ландера было направлено на поиск инварианта посессивных конструкций и проблему размежевания семантических и синтаксических аспектов посессивного отношения между двумя аргументами. Доклад Л.Л. Иомдина был посвящен соотношению семантики,

синтаксической формы и коммуникативного статуса в некоторых русских конструкциях с буквальным повтором лексики.

Термин «морфосинтаксис» часто встречается в исследованиях последних десятилетий, но единого понимания его не сложилось. Во многом это связано с тем, что в разных современных ответвлениях функционализма и генеративизма структура грамматики и статус правил или принципов грамматики понимаются по-разному. Одна часть лингвистов понимает морфосинтаксис как пересечение морфологии и синтаксиса, т. е. как перечень явлений и проблем, анализ которых в равной или хотя бы в значительной мере относится к компетенции как морфологии, так и синтаксиса. Классическим примером служит употребление падежных форм. С одной стороны, категория падежа связана с кодированием семантических ролей средствами морфологии. С другой стороны, приписывание падежа происходит в определенных синтаксических позициях. Другая часть лингвистов, в том числе сторонники минималистской программы Н. Хомского, понимают под морфосинтаксисом объединение морфологии и синтаксиса и отрицают наличие интерфейсов внутри грамматики и пограничных областей между разделами последней. В то же время многие сторонники последней точки зрения признают существование постсинтаксических механизмов, связанных с факторами просодического или коммуникативного характера и меняющих уже построенную структуру предложения: существование таких механизмов не всегда признается сторонниками первой точки зрения.

Организаторы конференции исходили из того, что параметрическая типология – область исследования, которая не должна целиком зависеть от того, является ли лингвист приверженцем модулярной либо иерархической концепции языка, и что конференция по типологии – подходящий форум для обсуждения продуктивности разных подходов к описанию взаимодействия механизмов грамматики. Большинство докладов программы оказалось возможным объединить в рамках тематических заседаний. Количественно преобладали выступления, посвященные проблемам падежа и согласования (три доклада – П.М. Аркадьев, Д.С. Ганенков, Н.К. Богомолова, а также пленарный доклад Дж. Лавайна), падежу и структуре именной группы (четыре – Е.А. Лютикова, О.И. Беляев, К.А. Ершова, А.Е. Аксенова и П.А. Коваль, ср. также пленарный доклад В.М. Алпатова), типологии клитик (пять – Л.В. Хохлова, А.В. Сидельцев, Н.Б. Пименова, М.Н. Толстая,

* Материал написан при поддержке РГНФ, проект № 11-04-00282 «Типология морфосинтаксических параметров».

А.В. Циммерлинг). По два материала было прочитано в секциях «Аргументная структура предиката» (А.Б. Шлуинский и Н.М. Стойнова) и «Морфосинтаксис и коммуникативная перспектива высказывания» (Н.В. Сердобольская и Е.Л. Кушнир). Исследования Я.Г. Тестельца и А.Б. Летучего вместе с пленарным докладом Л.Л. Иомдина составили тематическую секцию «Проблемы русской и общей грамматики». Совместное выступление С.С. Сая и М.А. Овсянниковой «Башкирские генетивные посессоры в свете таксономии посессивных конструкций» тематически примкнуло к прозвучавшему перед этим пленарному докладу Ю.А. Ландера «Приименные посессивы и понятие прототипа конструкции». Иные направления типологии были представлены в материалах выступлений К.В. Бабаева, Г.А. Мороза, Д.К. Привознова, А.Е. Аксеновой и П.А. Ковалю, А.А. Ивановой. Большинство докладов может быть отнесено к синхронной типологии: ряд сообщений опирался на результаты полевых исследований авторов (Е.А. Лютикова, А.А. Иванова, А.Е. Аксенова и П.А. Коваль, Д.К. Привознов, К.Е. Ершова, М.Н. Толстая и др.). Материал древних языков и проблемы диахронической типологии обсуждались в пленарном докладе П.В. Гращенкова и в выступлениях А.В. Сидельцева, А.В. Циммерлинга, Л.В. Хохловой, Н.Б. Пименовой и К.В. Бабаева.

Выборочно коснемся отдельных материалов конференции. В пленарном докладе Дж. Лавайна (США) «Varieties of *v* and the structure of 'Anti-Burzio' predicates», открывшем научную программу конференции, доказывалось, что проекции *T* и *v* по своей структуре не идентичны, и что *v* имеет интерпретируемые черты, ориентированные на ситуационную семантику (*event-related*). Необходимо принять теорию структурного вин. п., которая приписывает привилегированную роль каузатору события (*v-CAUSE*). Эта проблема имеет прямое отношение к анализу безличных предложений с аргументом в сильно управляемом вин. п., ср. русск. *траву выжгло солнцем*: ярлык 'Anti-Burzio predicates' относится именно к этой группе конструкций. Решение, предложенное докладчиком, позволяет отнести его анализ к концепциям, где падежная маркировка аргументов безличного транзитивного глагола признается грамматически выводимой, а не чисто словарной, идиосинкратической, характеристикой. Смежные проблемы рассматривались в выступлении П.М. Аркадьева (Москва) «Согласование причастий и два типа конструкций с неноминативными конструкциями в литовском языке». Докладчик утверждал, что распределение конструкций с неноминативными субъектами связано с противопоставлением структурных и лексических падежей и областей приписывания падежа. В конструкциях с дативным экс-

периемцем или генетивом отрицания падеж приписывается субъекту на ранней стадии, в области глагольной группы (VP), поэтому отношения согласования (*Agree*) с вершиной *T* нет. В нефинитных конструкциях наблюдается приписывание структурного вин. п., дат. п. или род. п. в области TP/CP, аналогичное приписывание имен. п. в финитных клаузах. В выступлении Д.С. Ганенкова (Москва) рассматривалось явление частичного контроля зависимой клаузы в хуцком диалекте даргинского языка. В этой конструкции одновременно могут быть выражены субъект матричного глагола 'хотеть' и субъект зависимой инфинитивной клаузы. Как показал докладчик, материал даргинского языка представляет трудность для всех теорий обязательного контроля, в том числе, для обеих версий минималистского анализа. Ни теория контроля как синтаксического передвижения, ни альтернативная ей теория контроля как согласования не дают на даргинском материале правильных предсказаний: необходимо признать частичный контроль регулярным синтаксическим механизмом, а не семантическим сбоем, возникающим при некоторых матричных предикатах.

В пленарном докладе П.В. Гращенкова (Москва) на материале русского, английского и тюркских языков рассматривалась эволюция показателей нефинитных глагольных форм. Эволюцию показателей нефинитности автор объяснял как смену значения признака {*fin*} вершины *C*: *Cfin*, *Cnon-fin*, *Csemi-fin*, ... При таком подходе грамматические изменения оказываются кратчайшими переходами внутри ограниченного признакового пространства. Ограниченность грамматических признаков следует из детерминированности синтаксических контекстов. Правила употребления нефинитных показателей связаны с другими аспектами грамматики (*pro-drop*, согласование, употребление вспомогательных глаголов) и эволюционируют вместе с ними. Проблемы грамматикализации энклитических частиц в связи с эволюцией строя языка анализировались на разном материале в двух докладах. В выступлении Л.В. Хохловой (Москва) развитие прономинальных частиц в западном панджаби рассматривалось на фоне перехода от эргативного к номинативно-аккузативному типу. Ранее засвидетельствованная эталонная эргативная система сменилась в современном зап. панджаби системой, где прономинальные частицы употребляются с различными видо-временными формами глагола и не находятся в дополнительном распределении относительно маркируемых семантических ролей. Одна и та же прономинальная частица может маркировать *S*, *A*, Экспериемцем, Посессор, а также референт притяжательного местоимения, которое является определением к *S*. В материалах Н.Б. Пименовой (Москва) впервые была

отмечена тенденция к грамматикализации древнесаксонской и древнегерманской частицы *thâr* в качестве маркера относительного подчинения. Этот процесс, однако, не был доведен до конца и о полной десемантизации др.сакс. и др.-в.-нем. *thâr* говорить нельзя. А.В. Сидельцев (Москва) на материале хеттского языка, имеющего жесткий порядок слов SOV, рассматривал два разных типа выноса глагола в начало клаузы (Verb fronting): один из них связан с топиализацией глагола, другой – с приписыванием ему статуса контрастивной ремы. Инновационный момент состоит в том, что аппарат линейно-акцентных преобразований, апробированный на материале современных языков, где есть разные типы коммуникативно мотивированных перемещений глагола, был применен к текстам мертвого языка. Проблемы кластеризации клитик освещались в двух выступлениях. М.Н. Толстая (Москва) предложила классификацию карпатоукраинских систем изменяемых энклитик и особо остановилась на малоизученных системах, действующих в гуцульских говорах. В докладе А.В. Циммерлинга (Москва) была впервые описана система энклитик в корпусе древнечешской «Далимиловой хроники» (нач. XIV в.). Было показано, что в этот период древнечешский язык был стандартной системой с законом Ваккернагеля (W-системой), причем частицы *že, li, ti*, (омоним формы дат. п. 2 л. *ti*₂) образовывали цепочки вместе со связками и местоименными энклитиками. Возмущающие явления связаны с изменением значения параметра, разрешающего постановку клитик после начальных групп, состоящих из двух или более фонетических слов: кластеризуемые связки и местоимения могут стоять после таких групп, а *že, li, ti*, нет. Интересное наблюдение над морфосинтаксисом языка яуре семьи манде было сделано в выступлении Е.Л. Кушнир (Москва): в данном языке имеются структуры, где локативные клитики занимают предконечную позицию клаузы и при этом разрывают последнее слово клаузы, т. е. ведут себя как эндоклитики.

В нескольких докладах поднимался вопрос о том, единицам какого уровня может приписываться категория падежа. В пленарном докладе В.М. Алпатова (Москва) рассматривались сочетания «существительное + послелог», которые, с одной стороны, являются аналогами падежных форм, с другой – имеют некоторые признаки синтаксических групп. В материалах К.А. Ершовой (Москва) был представлен феномен групповой флексии в адыгейском языке, где в сочинительной конструкции с коннектором *-re* показатели двух периферийных падежей – адвербиалиса и инструменталиса – ведут себя как групповые аффиксы или клитики, присоединяясь ко всей сочиненной группе: групповой аффикс / клитика может претягивать к себе некоторые морфемы право-

го конъюнкта, что больше похоже на правило синтаксиса, чем на чисто морфологическое явление. В то же время в докладе О.И. Беляева (Москва) поведение групповой флексии в осетинском языке предлагалось описывать путем расщепления понятия «падеж» на две категории – морфологический падеж (МП), который имеет две граммемы – ректус (*dir*) vs. обликвус (*obl*), и внешний падеж (ВП), который обладает значениями всех традиционно выделяемых падежных граммем, кроме имен. п. Наличие ВП требует, чтобы МП принимал в осетинском языке значение [*obl*]. Если понимать падеж как морфологический признак (как в русском или латинском), то осетинский оказывается языком с двухпадежной системой, причем маргинального типа, так как полноценные различия по падежу есть лишь у местоимений.

Проблема вариативного маркирования объекта (DOM) обсуждалась в двух докладах. Формальные аспекты проблемы анализировались в докладе Е.А. Лютиковой (Москва). Как показал автор, к материалу мишарского диалекта татарского языка лучше подходит стандартный анализ, при котором морфологический показатель вин. п. признается рефлексом приписывания ИГ абстрактного (структурного) вин. п. вершиной; абстрактный падеж является средством лицензирования ИГ в аргументной позиции (так называемый падежный фильтр). Конкурирующий анализ (Marantz 1991)¹, при котором показатель вин. п. возникает в постсинтаксическом компоненте под действием морфонологического правила конкуренции падежей, вин. п. признается зависимым (морфологическим) падежом и приписывается ИГ при наличии в локальной области другой ИГ без падежа, а падежный фильтр не действует, не может объяснить требование обязательного получения вин. п. определенным структурным типом ИГ (DP). Поэтому следует предпочесть традиционный подход. В выступлении Н.В. Сердобольской (Москва) механизм DOM рассматривался на материале финно-угорских языков с точки зрения коммуникативной перспективы высказывания и дискурсивного статуса ИГ, получающей либо не получающей вин. п.

В ряде сообщений ставился вопрос о соотношении синтаксической схемы и обобщенной грамматической семантики. В пленарном докладе Л.Л. Иомдина (Москва) на примере русских высказываний с лексическими повторами типа *читать не читал, но ...* было показано, что одна поверхностно-синтаксическая схема может соответствовать нескольким конструкциям с разной семантикой и разными коммуникативными свойствами. Фразеосхема

¹ A. Marantz. Case and licensing // G. Westphal, B. Ao, Hee-Rahk Chae (eds). Proceedings of ESCOL'91. Ithaca (NY), 1991.

читать не читал (но пролистал) толкуется как: *Z X-овать не X-овал (но...)* ≈ 'Z не сделал X, но Z сделал что-то менее сильное, чем X'. В русском языке есть омонимичная фразеосхема, выражающая иное значение, в котором инфинитив представляет собой тему высказывания: *читать он не читает* (≈ 'что касается его чтения, то оно не имеет места'), а, кроме того, имеется омонимичная этой конструкции синтаксическая фразема с усилительным значением и ограниченным лексическим заполнением: *он его и видеть не видел* (≈ 'совсем не видел'). В пленарном докладе Ю.А. Ландера (Москва) на широком типологическом материале рассматривалось соотношение семантики и синтаксиса конструкций с примененными посессивами. Докладчик утверждал, что подходы, постулирующие для посессивов в разных языках семантический или синтаксический инвариант, либо не охватывают все типы употреблений отдельных конструкций в конкретном языке, либо не учитывают межъязыковые различия. Более прототипические посессивы (как тип конструкций) не специфицируют отношение между аргументами. Посессивы со специфицированными отношениями производны и диахронически вторичны по отношению к посессивам с неспецифицированным значением. В совместном выступлении С.С. Сая и М.А. Овсянниковой (Санкт-Петербург), выполненном на материале башкирского языка, поднимался вопрос об иерархии посессивных конструкций, в том числе, о так называемой конструкции с внешним посессором (ср. русск. *у меня болит нога*), где посессор и объект обладания относятся к разным составляющим. В башкирском языке конструкции с внешним посессором нет, но есть примеры, где прослеживаются отдельные отклонения от свойств единой составляющей, что мотивировано дискурсивными свойствами контекста: комбинации «посессор» + «обладаемое» не в равной степени обладают признаками единой составляющей, при этом более одушевленные, топиальные и вовлеченные посессоры, несмотря на сохранение генитивного маркирования, демонстрируют больше свойств составляющих клаузуального уровня, а не примененных зависимых.

Важные проблемы общей грамматики прозвучали в сообщениях, преимущественно выполненных на русском материале. Доклад Я.Г. Тестельца (Москва) был посвящен одной из разновидностей эллипсиса – так называемому сравнительному сокращению (comparative deletion, CD). CD в узком смысле – сокращение в сравнительном обороте элемента, оцениваемого по степени проявления признака. От прочих случаев эллипсиса «сравнительное сокращение» отличается невозможностью пробела: *Он решал те же задачи, что и я* (**решал задачи*); *Саша выше, чем Петя* (**высок*) и т. п. Кажущаяся большая свобода CD в русском

языке по сравнению с английским, по словам докладчика – иллюзия, так как в сравнительной конструкции применяется обычный эллипсис, который в русском языке менее ограничен. Было предложено считать «сравнительное сокращение» не эллипсисом, а релятивизацией фиктивного элемента со значением степени. Такой подход основан на отнесении всех механизмов, порождающих высказывания с опущенными фрагментами синтаксической структуры, к универсальной грамматике, и тезисе о том, что разные типы эллипсиса могут комбинироваться в одном высказывании. Данные тезисы более привычны для англоязычной генеративной грамматики, чем для отечественной русистики, что побуждает отнестись к ним с особым вниманием. В выступлении А.Б. Летучего (Москва), напротив, была сделана попытка нащупать специфичные для русского языка диагностические критерии подлежащности для сентенциальных актантов, в частности, интерпретировать дистрибуцию подлежащеподобного слова *это* и актанта со значением дат. п. семантического субъекта (ср. русск. *мне грустно, что P*, *это мне грустно*, ?*это мне грустно, что P*). В дискуссии была высказана мысль о том, что за поверхностно-синтаксической схемой со словом *это* в предложении без ИГ с признаком [+ пом] кроется несколько разных конструкций: в одних элемент *это* является коррелятивным, в других нет, соответственно, вопрос о выборе подлежащих имеет смысл рассматривать отдельно для каждой из таких конструкций.

Наибольшее число сопоставляемых грамматических систем разных языков упоминалось в докладах К.В. Бабеева (Москва), где обсуждались системы личного маркирования в языках нигер-конго, и Г.А. Мороза (Москва), где языки мира делились на разные типы по алгоритмам построения составных числительных. В большинстве выступлений подробно обсуждались данные 1–2 языков. После русского языка наибольшее число сообщений (четыре) было посвящено мишарскому диалекту татарского языка, что является следствием полевой работы лингвистов МГУ им. М.В. Ломоносова с данным диалектом.

Был открыт сайт конференции <http://ossetic-studies.org/msp2012/> с русским и английским интерфейсами (администратор О.И. Беляев), где можно ознакомиться с тезисами участников. Следующая конференция серии «Типология морфосинтаксических параметров» намечена на октябрь 2013 г.

А.В. Циммерлинг

Сведения об авторе:

Антон Владимирович Циммерлинг
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
meinmat@yahoo.com